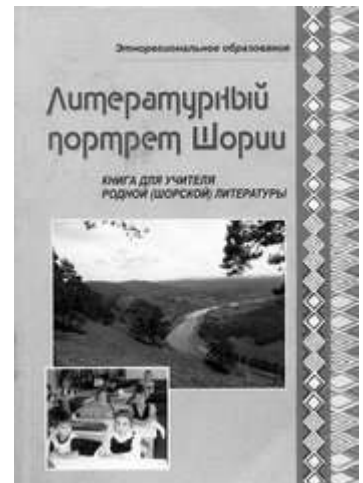

Парадоксы пристального чтения

“Литературный портрет Шории: книга для учителя родной (шорской) литературы”. Составитель Е.Н. Чайковская, КузГПА. Издательство - ООО “Примула”. Кемерово, 2009. Замечательный пример того, как учебная книга может далеко выйти за рамки заявленной скромной задачи - быть пособием для учителей общеобразовательных школ, “реализующих региональный компонент в образовании”. И стать предметом серьезных размышлений о судьбе целого народа. Они задаются лекциями Геннадия Косточакова, поэта, кандидата филологических наук, доцента кафедры шорского языка и литературы КузГПА, которые вводят в тему - “Шорская литература: прошлое и настоящее...” С таким вот

многообразием, которое в русском синтаксисе несет скорее отрицательную смысловую нагрузку - оборванности чего-то, незавершенности, безнадежности, если хотите. Шорскую литературу Геннадий Косточаков начинает с перевода на шорский язык Священного писания Иваном Матвеевичем Штыгашевым, “в то время учащимся Казанской духовной семинарии, а впоследствии священником Матурского отделения Алтайской духовной миссии... первым шорским писателем”. “С этого перевода, сделанного изящным, лаконичным и богатым шорским языком, и начинается наша литература”, - торжественно формулирует Геннадий Косточаков. Можно было бы провести параллели между этим высказыванием и другим, из которого следует, что русская литература вышла из гоголевской “Шинели”, кабы страниц через пятнадцать, отдав должное миссионерству Штыгашева (“Шорский народ обрел букварь, словарь и тексты для чтения, то есть ту основу, с которой начинается национальная письменность”), он жестко пресекает эту линию: “Наша литература началась с прославления православной веры, что было чуждо, по существу, народному сознанию, которое, оставаясь языческим, шаманистским, лишь формально облачилось в христианские одежды. Именно поэтому ни перевод Библии, ни повествования в жанре паломнических записей и жития И.М. Штыгашева не получили в шорской литературе достойного продолжения...” Что, наверное, имело место быть. Хотя несколько противоречит дальнейшим рассуждениям автора о репрессиях конца 30-х годов, когда после взлета “в 20-30-е годы XX века шорского прозаического слова”, были уничтожены (в том числе физически) носители этого слова и сам шорский письменный язык (а заодно и адепты православия). После чего “Шорский язык был обречен на “шагреновое” существование - только в устной форме и только в быту”. Тем не менее, продолжает Геннадий Косточаков, “пусть по-русски, пусть не так, как хотелось бы, пусть приблизительно - популяризаторски, но шорская литература продолжала свое существование”... Возрожденная шорская литература, говорит автор, “началась в 90-е годы с лирики” - с появления ряда лирических поэтов, которые “рождаются целыми плеядами”. “А порождает их колоссальнейшая внутренняя проблема, острейшее противоречие сознания, охватывающее души многих людей... Шорскую литературу вызвало к жизни общее предощущение надвигающейся катастрофы, гибели шорского этнического сознания”. В условиях неопределенности, возможности катастрофы опорой становятся воспоминания о детстве. Точнее будет сказать, некое идеализированное воспоминаниями детство, проведенное “среди

девственной тайги” (превосходными иллюстрациями в этом смысле могут стать чудесные картины Любви Арбачаковой). Родина отождествляется с природой (Степан Торбоков). Еще одна опора - в прошлом народа, “причем в очень далеком прошлом - в древнетюркской эпохе”. Прошлое, рисуемое в исключительно былинном ключе. Авторы статьи о творчестве Татьяны (Таяны) Тудегешевой даже пеняют ей за то, что “в состав древних тюрков Татьяны Васильевны почему-то входит и фигура Чингис-хана”, известного, к слову, гонителя тюрков. Но и я бы встал на защиту Татьяны Тудегешевой, напомнив, что, по словам Ролана Барта, миф (а мы, собственно, имеем дело с творением мифа - а без этого невозможен процесс идентификации - о шорском народе) главным образом не объект, не понятие или даже идея, это - послание. Послание в данном случае о том, что я - есть, я не похож на другие народы и имею право на собственное самосознание, на особое прошлое и настоящее. Правда, идущего по этому пути ждет множество ловушек, в том числе мыслительных. Приведу первое, что пришло на ум во время чтения книги “Литературный портрет Шории”. Человек (современный) живет не в поле природы, а в поле культуры - в лучшем случае, в худшем - цивилизации (если понимать ее как сумму удобств). И, увы, шорская литература (как и самосознание вообще) вряд ли может опираться только на идиллически-патриархальные (если таковые вообще есть в “простом” народе) представления о природе и прошлом. Замечание “если таковые есть вообще в “простом” народе”, я бы отнес к самому Геннадию Косточакову, в статье о котором, к примеру, говорится, что его “явная попытка поднять шорский язык до уровня литературно развитых языков” не принимается массовым (шорским) читателем: “Потому творчество Г.В. Косточакова в шорской литературе (на родном языке) стоит как бы особняком, отличаясь малой читаемостью и слабой понимаемостью. Это и понятно, так как до сего времени шорский язык не стал полноценно литературным, а в последние годы не поднимался выше бытового уровня с соответствующей лексикой и оборотами...”

Более всего здесь любопытно то, как к Геннадию Косточакову бумерангом вернулись его же рассуждения о первом шорском писателе Иване Штыгашеве, напомню, чье творчество (блистательный перевод Святого писания) не нашло отклика, по словам Геннадия Васильевича, в народном сознании - “было чуждо”. А ведь прав был Штыгашев - с образования народа надо было начинать: вначале было Слово. Не думаю, что сказано все, что хотелось бы сказать о книге “Литературный портрет Шории”, не настаиваю на том, что сказанное - истина в последней инстанции. Просто тема, поднятая книгой, показалась столь интересной, что захотелось выговориться, поделиться мнением о прочитанном.

Автор: Савва Михайлов